

ОСЕТИНСКАЯ НАРТИАДА: К ИСТОРИИ ЗАПИСИ И ИЗДАНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Ключевые слова: нартровский эпос, нарты, осетинские нартровские сказания, осетинский вариант эпоса, запись и публикация Нартиады, научные издания осетинского эпоса

В статье освещается история записи и публикации осетинского варианта героического нартровского эпоса. Достижения более чем полуторавековой истории освоения эпического наследия осетин являются результатом исследовательской деятельности не только нескольких поколений российских и зарубежных ученых, но и пристального внимания со стороны государства, использовавшего пропагандистский и воспитательный потенциал устного народного творчества, в т. ч. эпоса, при решении социально-политических и культурных задач. В истории вопроса выделяются дореволюционный, советский и постсоветский периоды, различающиеся приоритетностью ставившихся целей, в значительной мере определявших интенсивность собирательской и публикационной деятельности.

Нартровский эпос — выдающийся памятник духовной культуры народов Кавказа (абхазов, адыгейцев, балкарцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, осетин и др.) — на протяжении многих веков бережно сохранялся в устной народной традиции талантливыми сказителями и передавался в семьях из поколения в поколение. Только около двух столетий назад героические сказания о нартах благодаря трудам русских и западных ученых, а затем представителей национальной интеллигенции вышли за пределы традиционной сферы бытования и стали известны в России и Европе.

Осетинская Нартиада является одним из самых сюжетно богатых и масштабных национальных вариантов народного героического эпоса. Планомерная работа по ее собиранию и изучению началась со второй половины XIX в. Результаты деятельности нескольких поколений ученых и энтузиастов-любителей, занимавшихся записью, обработкой и публикацией текстов Нартиады, в свое время подводились в отечественной историографии (Абаев 1945; Калоев 1957; Гаглойти 1977). Деятельность по выявлению и публикации героических сказаний продолжается и сегодня (Алиева 2012; Гостиева 2017). Реализуются новые проекты издания осетинского нартровского эпоса как на языке оригинала, так и на других языках. Поэтому полный обзор темы не представляется возможным. Предлагаемая статья ставит целью проследить этапы записи, систематизации и издания эпоса осетин в историко-культурном и политическом контекстах и отметить основные современные тенденции в анализе темы.

Первое известное письменное упоминание о бытовании героических сказаний у осетин относится к концу XVIII в. Оно принадлежит офицеру русской армии Леон-

Инга Тотразовна Цориева | <https://orcid.org/0000-0002-8977-973X> | tsorin@mail.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела истории | Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН (пр. Мира 10, Владикавказ, 362040, Россия)

тию Леонтьевичу Штедеру¹, в 1781 г. побывавшему в горных районах Осетии (*Штедер* 2016). В 1796 г. в журнале “*Neue Nordische Beyträge*” был напечатан его “Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году”, включавший интересные зарисовки быта и культуры автохтонных народов. В заметках об истории оссов (грузинское название осетин в средние века. — *И.Ц.*) автор отмечал, что она состоит главным образом “из сказок, песен о героях и темных традиций” (Там же: 54). Услышанные в Дигорском ущелье Северной Осетии древние сказания Штедер назвал “сагой”, а ее героев — “рыцарями”, которых “горцы воспевают еще в своих песнях о героях” (Там же: 109–110).

Следующее свидетельство о существовании осетинского героического эпоса принадлежит знаменитому ориенталисту и путешественнику Юлиусу Клапроту. В первой части двухтомного труда “Путешествие на Кавказ и в Грузию, предпринятое в 1807–1808 годах”, изданного в Берлине в 1812 г., автор, упоминая о реке Уруп, притоке Кубани, писал: “У этой реки была видимо старая крепость, именуемая в осетинской героической саге Уарп-Фидар (крепость Уарп), которая была удивительным образом завоевана героем Батерасом, сыном Хамыца. Он велел зарядить собою пушку и выстрелить в крепость” (см.: *Абаев* 1990: 7). Ценность свидетельства Клапрота состояла в том, что в нем впервые упоминались имена героев древних сказаний: Батрадза и Хамыца. Во французском издании своего труда, помимо отмеченных выше имен знаменитых эпических героев осетин, автор приводил и другие имена — Созырыко, Сослан и т.д.²

О бытовании среди осетин нартовских сказаний в 1843 г. писал академик А.М. Шегрен:

Между осетинами есть много сказочников, рассказывающих о подвигах жившего в древности народа Нарт; Нарты эти и земля, где они теперь живут, почитаются за святых; легенд о разных витязях из народа Нарт очень много, их рассказывают при всяком стечении народа, и теперь самые легенды и рассказчики получили название Нартов... Я теперь приступил к собиранию легенд о Нартах; быть может, они пояснят историю осетин и их соседей (*Шегрен* 1998: 59–60).

Приведенный выше отрывок из статьи А.М. Шегрена “Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях” в контексте рассматриваемого вопроса заслуживает внимания, на наш взгляд, по двум причинам: во-первых, в нем впервые приведено общее наименование героев эпических сказаний — “Нарты” и, во-вторых, это первая русскоязычная публикация, содержащая информацию о существовании сказаний у осетин.

После завершения Кавказской войны важнейшей задачей объединительной политики российского правительства являлось активное вовлечение народов Северного Кавказа в единое административно-территориальное, хозяйственно-экономическое, социально-политическое пространство страны. Эффективное управление “непокойным” краем и успех реализации интегративных планов во многом зависели от включенности в эти процессы населения, “по численности почти миллионного, живущего при своеобразных и разнороднейших условиях местности, и хотя обозначаемого общим именем — *горцев*, однако весьма разнохарактерного, различного и разноразличного” (Предисловие 1868: I).

Формирование системы государственного управления северокавказским регионом, налаживание и установление конструктивного диалога метрополии с горскими народами в соответствии с политической установкой на обеспечение общегосударственного единства, преодолевающего социокультурную дробность империи, и создание единой “общерусской народности” (*Кобахидзе* 2016: 224) требовали знания специфики общественного устройства, культуры, быта, психологии северокавказских народов.

Для достижения имперских целей российское правительство активно привлекало научные ресурсы, использовало творческий потенциал представителей национальной интеллигенции. Этим задачам с конца 1860-х годов служили периодические научные журналы и сборники (“Сборник сведений о кавказских горцах”, 1868–1881; “Сборник сведений о Кавказе”, 1871–1885; “Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа”, 1881–1915, 1926, 1929; “Кавказский сборник”, 1876–1912). Их издание велось с разрешения Главнокомандующего Кавказской Армией при Кавказском Горском Управлении. Публиковавшиеся в них исследования и материалы об истории, обычаях и традициях, повседневной жизни кавказских народов должны были послужить информативным источником и средством для более близкого знакомства с малоизвестным “неспокойным краем” и обеспечить создание “прочного фундамента”, на котором бы возводилось такое же “прочное здание знакомства с горцами” (Предисловие 1868: III).

Об интересе не только научном, но и “гражданственном, практическом” писали составители первого выпуска “Сборника сведений о кавказских горцах” (1868):

Горцы, волей-неволей, перерождаются; из заклятых врагов наших они становятся нашими согражданами, нашими близкими братьями: кому же, как не нам, пойти к ним на радужную встречу? Для них открывается новый строй понятий и житейских отношений; для них наступила пора знакомства с светлым и широким миром европейской жизни: но вместе с этим и для нас открылся замкнутый в себе, своеобразный мир, с особым складом домашних и общественных отношений, который, так или иначе, мы должны приблизить к общему складу нашей жизни, чтобы между ним и нами не оставалось разлада (Сборник 1868: II).

Представители русской науки и культуры, а вслед за ними пока еще немногочисленные кадры национальной интеллигенции активно вовлекались в изучение Северного Кавказа — края, разнообразного и перспективного в природно-географическом, хозяйственно-экономическом и военно-политическом отношениях. Одним из направлений этой деятельности было исследование истории и культуры кавказских народов, в частности собирание и издание материалов по этнографии и фольклору, особое место среди которых заняли героические нартовские сказания. Первые связанные публикации осетинского нартовского эпоса относятся к 1860-м годам. В 1863 г. в Бюллетене Императорской Академии наук академиком А.А. Шифнером были опубликованы “Textes ossètes” (“Осетинские тексты”). Среди них — сказание “Хвалебная песнь маленькому Батырадзу, Хамыцеву сыну”. Через четыре года в том же бюллетене в следующей публикации автора “Contes et légendes ossètes” (“Осетинские сказки и предания”) было приведено еще одно сказание — “Хвалебная песнь в честь нарта Урызмага”. Оба текста были представлены в записи учителя Тифлисской семинарии Василия Цораева. Первый текст состоял, по существу, из нескольких сказаний из цикла Батраза, тематически объединенных автором в одно целое. Второй — из двух тесно связанных частей: сказания о том, как Урызмаг спас нартов от голода, и сказания о безымянном сыне Урызмага, случайно убитом отцом. В 1868 г. вместе с другими фольклорными материалами эти тексты на осетинском языке с параллельным переводом на русский язык и с комментариями академика А.А. Шифнера были напечатаны в “Записках Академии наук” под общим названием “Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым”³.

Появление “Осетинских текстов” привлекло большое внимание ученого сообщества и энтузиастов-любителей к устному народному творчеству осетин. Особый интерес вызвали нартовские сказания. Вслед за А. Шифнером к собиранию эпического наследия осетин обратился В.Б. Пфаф. Он не являлся профессиональным этнографом или фольклористом. В целом специалисты довольно критично относились к научным штудиям Пфафа, но в то же время достаточно высоко оценивали

записанные им материалы по Нартиаде⁴. Как отмечал лингвист и нартовед В.И. Абаев, “...чуждый какого-либо строгого научного метода, склонный увлекаться малообоснованными теориями собственного изготовления, он привлекал однако своим живым интересом и любовью к изучаемому предмету и энтузиазмом, с каким преодолевал немалые в то время трудности, путешествуя по Осетии и собирая материал по истории, обычному праву, эпосу осетин” (Абаев 1945: 12).

В самой Осетии начало систематического собирания и популяризации нартовского эпоса связано с именами видных представителей национальной интеллигенции второй половины XIX в. Джантемира и Гацыра Шанаевых. На протяжении многих лет, посещая самые отдаленные уголки горного края, они кропотливо собирали, записывали произведения устного народного творчества в изложении сказителей. Шанаевым принадлежат и одни из первых публикаций героических сказаний. В 1870-е годы в трех выпусках “Сборника сведений о кавказских горцах” были опубликованы тексты, записанные и переведенные ими на русский язык⁵. По словам Дж. Шанаева, при выборе сказаний для публикации он выделял те из них, которые “более других популярны” и представляют интерес “по отношению к фактам историческим и бытовым”. При этом он старался привести о каждом из главных героев эпоса хотя бы одно сказание, “чтобы этим дать возможность судить о характере и сущности нартовских сказаний вообще” (Шанаев 1871). Записи братьев Шанаевых в осетинских оригиналах не сохранились. Однако для нартоведов этот факт не снижает научной ценности опубликованных текстов. Тем более что сопоставительный анализ разных вариантов сказаний подтверждает практически аутентичный характер переводов Дж. Шанаева, который отмечал в кратком предисловии к опубликованным материалам, что при переводе на русский придерживался правила “передавать сказания как можно ближе к подлиннику” (Там же: 1).

В целом опубликованные материалы значительно расширяли представление о сюжетном многообразии осетинских сказаний и свидетельствовали о насыщенности их мифологическим материалом, что является одной из характерных черт героического эпоса осетин. Бескорыстный и плодотворный труд Шанаевых — пионеров записи эпических сказаний в Осетии — был отмечен их последователями. “Не оценивая, быть может, в полной мере значение проводимой ими работы, — писал В.И. Абаев, — руководимые не столько научными соображениями, сколько инстинктивным сознанием важности и ценности фиксации того, что творит народ, они сделали большое дело — дали нам наиболее ранние записи популярнейших сюжетов нартовского эпоса” (Абаев 1945: 12).

Поистине неоценимый вклад в изучение истории и культуры осетин внес один из основоположников научного кавказоведения — Всеволод Федорович Миллер. Ему принадлежит особая заслуга не только в исследовании, но и в собирании и публикации осетинских сказаний. В первой части трехчастных “Осетинских этюдов”, изданных в 1880-х годах и принесших ученому мировую известность, были помещены осетинские фольклорные тексты, большую часть которых составляли сказания о нартах на языке оригинала (сказания из цикла Батрадза, а также о Созырыко, об Аркызовом зубе Хамыца, о рождении Сатаны, о Сослане и Урызмаге и др.). Они сопровождались русским переводом и были снабжены ценными комментариями автора. Сказание о безымянном сыне Урызмага в качестве образца языка южных осетин ученый поместил в третьей части “Осетинских этюдов”⁶.

В.Ф. Миллер неоднократно посещал Осетию с научно-исследовательской целью. Собирая материалы по этнографии, фольклору, языку осетин в 1880-е годы — начале XX в., он неизменно опирался на энтузиазм многих представителей национальной интеллигенции, проявлявших большой интерес к истории и культурному наследию своего народа (Гостиева 2008: 45). Результатом их подвижнической деятельности было накопление и систематизация большого объема материалов уст-

ного народного творчества осетин, в т.ч. сказаний о нартах, частью опубликованных в дореволюционной периодической печати и вышедших отдельными изданиями. Так, в сборнике “Дигорские сказания по записям И.Т. Собиева, К.С. Гарданова и С.А. Туккаева с переводом и примечаниями Вс. Миллера”⁷ представлены два сугубо нартзовских сказания: о Сослане и Бораеве Бурафарнуге. Но некоторые мотивы и отдельные атрибуты эпоса (упоминание чаши Уацамонга, нартского коня Арфана и др.) встречались и в других текстах, помещенных в книгу. В 1911 г. в небольшом сборнике фольклорных произведений на дигорском диалекте осетинского языка, составленном исследователем и художником М. Тугановым⁸, была помещена “Песнь о нарте Ацамазе”, считающаяся “одной из жемчужин осетинской народной поэзии” (Абаев 1939: 91). Издание было интересно и тем, что представляло первый опыт иллюстрирования героического нартзовского эпоса, осуществленного автором. Еще ранее, в 1889 г., в “Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа” было опубликовано несколько нартзовских сказаний в русском переводе А. Кайтмазова⁹. Фольклористы отмечали большое тщание и ответственность, с которым автор подходил к их переводу на русский язык, благодаря чему содержание текстов не искажалось даже при обратном переводе (Дзагуров 1925: 525).

Первая обширная публикация осетинского эпоса в Европе специалистами приписывается Х. Хюбшманну. В 1887 г. в Лейпциге в его переводе были опубликованы тексты сказаний из первой части “Осетинских этюдов” В.Ф. Миллера. Переводу предшествовало подробное авторское предисловие о нартах (Абаев 1945: 14). На более широкий круг читателей были рассчитаны “Кавказские сказки” А. Дирра, изданные в начале 1920-х годов на немецком и английском языках. Они включали 84 фольклорных текста (сказки, басни, сказания о Прометее, Полифеме и др.) в художественной интерпретации, в т.ч. 12 сказаний о нартзовских героях, частью позаимствованных у Миллера. Пять из них рассказывали о Батразе, остальные о Сослане, Урузмаге, Сатане, Хамыце, Эцемее и Быценон¹⁰. В начале XX в. литературной обработкой и изданием сказаний занимался и немецкий писатель В.Я. Иксуль (см. подр.: Гаглойти 1977: 121–123).

Переломным этапом в нартведении стали 1920–1930-е годы, характеризовавшиеся, в частности, повышением роли французской научной школы в изучении эпического наследия кавказских народов. В решающей степени эти изменения были связаны с деятельностью выдающегося мифолога и лингвиста Жоржа Дюмезиля. Его книга “Легенды о нартах”¹¹ далеко превосходила по объему и значению прежние публикации текстов эпоса в зарубежной печати. Она представляла собой французский перевод или резюме почти всех опубликованных до 1930 г. на русском языке или с русским переводом нартзовских сказаний, не только осетинских, но и кабардинских, черкесских, балкарских и карачаевских, чеченских и ингушских. Работа Дюмезиля вызвала живейший интерес исследователей эпоса (см.: Абаев 1945: 14) уже потому, что она являла собой первый опыт систематизации сказаний. Ученый выделил три главных цикла: 1) Урузмаг и Сатана, 2) Созруко (Сослан), 3) Хамыц и Батраз. Остальные сказания объединялись под общей рубрикой “Второстепенные герои и менее значительные подвиги”. Ценность книги повышали пять мифологических этюдов, приложенных автором к работе. Несомненный научный интерес представляли опубликованные в начале 1930-х годов венгерским языковедом и этнографом Б. Мункачи тексты осетинского фольклора на немецком языке. Они были записаны исследователем в 1918 г. со слов осетин, попавших в плен во время Первой мировой войны¹².

В отечественной науке качественно новый этап в исследовании, определении места и роли устного народного творчества в общественной жизни страны начался в советский период. В фольклористике 1920–1940-е годы стали временем, когда устное народное творчество, включая нартзовский эпос, вышло из сфер сугубо научно-

познавательных, культурно-просветительских в область политического, идеологического применения. Эпоха форсированной модернизации требовала героев, способных реализовать грандиозные задачи социалистического переустройства общества. Советское государство целенаправленно привлекало эпос в качестве инструмента воспитания человека новой “социалистической формации”. Накануне Второй мировой войны такой специфический функциональный подход к народному эпическому наследию на государственном уровне усилился в связи с потребностью и возможностью использования его потенциала в пропагандистских целях. Так, на Северном Кавказе особенно выделялись персонажи эпоса в статусе героев. В литературе для детей и юношества популяризировались именно герои Нартиады. Они служили образцами мужества, стойкости, свободолюбия, патриотизма, самоотречения во имя высокой цели. Завет нартов “лучше смерть, чем позор” должен был вдохновлять все поколения на героические подвиги, самоотверженность, бесстрашие и непримиримость к врагам.

Политико-идеологическая актуализация культурного наследия народов СССР в соответствии с запросами времени интенсифицировала сбор и обработку фольклорного материала, в т.ч. героических нартовских сказаний. В 1920-е годы и непосредственно накануне войны в Северной Осетии благодаря деятельности членов Историко-филологического общества, а затем научных сотрудников Осетинского научно-исследовательского института краеведения (Ц. Амбалова, М. Гарданова, Г. Дзагурова, К. Казбекова и др.) были изданы пять выпусков “Памятников народного творчества осетин” (далее — ПНТО)¹³. Опубликованные материалы охватывали почти все фольклорные жанры и были представлены на обоих диалектах осетинского языка (с параллельным русским переводом) и снабжены авторскими примечаниями и комментариями (Хамицаева 2005: 68). Для эпосоведов особый интерес представляет первый выпуск ПНТО (1925), включающий тексты нартовских сказаний. Всего же в предвоенные выпуски ПНТО, по нашим подсчетам, было включено 100 героических сказаний. Почти все они были записаны еще в конце XIX — начале XX в. со слов известных сказителей и знатоков народного творчества (Кертиби Кетрибиева, Баззе Колоева, Инала Баззиева, Басила Урумова, Дебола Баскаева, Гаппо Дзугоева и др.) и представляли практически все сюжеты и имена осетинского нартовского эпоса.

Параллельно велась собирательская и публикационная работа в Южной Осетии. В 1929–1930 гг. вышли в свет три выпуска “Памятников Юго-Осетинского фольклора” на осетинском языке, объединенных затем в один сборник. Книга включала югоосетинские варианты 44 сказаний в изложении народных сказителей Кудза Джусоева, Андо Наниева, Левана Бегизова, Яши Гаглоева, Дзагко Губаева и др.¹⁴ Среди нартоведов образцом научной публикации эпоса признаны 10 нартовских сказаний, записанных В. Абаевым в Южной Осетии со слов певца Илико Маргиева. Сказания сопровождалась точной паспортизацией и русским переводом и были снабжены филологическим и историко-этнографическим комментариями (Абаев 1939).

В конце 1930-х годов руководство страны в рамках вышеозначенного идеологического курса инициировало на страницах периодической печати пропагандистскую дискуссию о роли фольклора в развитии национальных культур. Статьи и отклики на указанную тему появились и в региональной периодике. В июне 1939 г. в республиканской газете “Социалистическая Осетия” было опубликовано письмо осетинских писателей А. Коцоева и Г. Плиева с призывом собирать произведения устного народного творчества. Обращение писателей было воспринято в обществе с большим энтузиазмом. Его поддержали ведущие фольклористы страны. “Осетинский фольклор, — писал академик Ю. Соколов, — один из самых богатых и древних в мире. Нартовские сказания — материал для истории очень многих народов, материал для понимания древнейшей стадии в развитии человеческой культуры”. Он

рекомендовал “привести в полный порядок фольклорные архивы, имеющиеся в Северо-Осетинском НИИ, произвести их научно-критический разбор и отбор, организовать дополнительные экспедиции на места и подготовить, наконец, к печати тома осетинского фольклора, древнего и нового, песенного и прозаического” (Хаммаева 2005: 58).

На основании постановления бюро обкома ВКП(б) и СНК СО АССР от 4 ноября 1940 г. в Северной Осетии был создан Республиканский правительственный нартовский комитет “по организации сбора материалов, обработке и подготовке издания нартовских сказаний” (ГАНИ РСО-А: Л. 9). О политической значимости обсуждения вопроса свидетельствовал состав Нартовского комитета. В него вошли секретари обкома ВКП(б), председатель Верховного Совета СО АССР, народные комиссары Наркоматов внутренних дел и просвещения, другие представители партийно-советской номенклатуры. Председателем комитета был назначен председатель СНК республики К.Д. Кулов. Из 26 членов комитета лишь 11 человек представляли научную и творческую интеллигенцию, которая непосредственно занималась сбором, систематизацией и подготовкой сказаний к изданию (Там же: Л. 10).

В планах Нартовского комитета в Северной Осетии на 1941–1942 гг. значились подготовка и издание осетинского нартовского эпоса в двух томах, а также однотомников сказаний в стихах на русском и осетинском языках при участии Союза советских писателей СССР и Гослитиздата РСФСР. Руководство Северо-Осетинской АССР просило ЦК ВКП(б) и СНК СССР ассигновать на эти мероприятия в 1941 г. 550 тыс. руб. (Там же: Л. 9)

Нартовский комитет с соответствующими функциями был создан и в Юго-Осетинской автономной области. Практическая деятельность осуществлялась на базе Северо-Осетинского и Юго-Осетинского научно-исследовательских институтов. Было сформировано около полутора десятка бригад по 2–3 человека. Они объединили работу ведущих ученых, писателей, художников: В. Абаева, Х. Ардасенова, С. Бритаева, И. Джанаева, З. Ванеева, И. Качмазова, Д. Мамсурова, Г. Плиева, Х. Плиева, Л. Семенова, Б. Скитского, М. Туганова, А. Хохова, Р. Чочиева и др. В течение первого полугодия 1941 г. участники бригад совершили десятки экспедиционных поездок в горные и равнинные села Осетии. Местные органы власти были обязаны оказывать им всяческое содействие. Повсеместно в районах создавались собственные Комитеты по организации сбора сказаний. К работе активно привлекались сельская интеллигенция, школьники. Участники бригад не только записывали нартовские сказания, но и собирали музыкально-хореографический фольклор, связанный с Нартиадой (Подготовка 1941).

О большой идейно-политической значимости, придававшейся этой работе, свидетельствовала публикационная активность средств массовой информации. Только за первые два месяца 1941 г. на страницах республиканских и районных газет Северной Осетии (“Социалистическая Осетия”, “Растдзинад” [“Правда”], “Сталинондзырд” [“Сталинское слово”], “Сурх Дигора” [“Красная Дигория”] и др.) автором выявлено более трех десятков выступлений партийно-советских руководителей, научной и творческой интеллигенции по вопросам сбора и публикации героических сказаний осетин.

Кропотливая работа не была прервана даже с началом войны. В самый разгар боевых действий на Северном Кавказе в 1942 г. в Сталинире, столице Южной Осетии, нартовские сказания были изданы в стихотворном переложении на языке оригинала в грузинской графике. В собирании, записи и литературной обработке текстов участвовал народный сказитель Борис Андиев и большой коллектив ученых и писателей, в числе которых были Э. Багаев, З. Ванеев, И. Качмазов, Х. Плиев, П. Санагоев, М. Туганов, Р. Чочиев, М. Шавлохов. Иллюстрировал издание художник Махарбек Туганов. Через два года небольшая книга с 11 нартовскими сказани-

ями вышла в Москве в русском переводе и со вступительной статьей Валентины Дынник¹⁵.

В Северной Осетии к концу 1941 г. на основе записей, сделанных в ходе экспедиционных поездок, а также материалов, извлеченных из рукописных фондов архива Северо-Осетинского НИИ, и ранее опубликованных источников было собрано более 160 авторских листов текстов нартских сказаний. Из них для научного издания было отобрано 150 авторских листов и подготовлен сводный текст сказаний в литературной обработке (около 30 п.л.) (*Цориева* 2013: 113–114).

Война отсрочила публикацию текстов сказаний. Только в декабре 1946 г. коллективный труд фольклористов, лингвистов, писателей увенчался выходом в свет первого сводного прозаического текста сказаний о нартах на осетинском языке в иллюстрациях и художественном оформлении А.-Г. Хохова (“Нарты кадджытæ”). Это событие получило огромный общественный резонанс как в Южной, так и Северной Осетии¹⁶. Спустя два года сводный текст сказаний уже в русском переводе Ю. Либединского и с иллюстрациями М. Туганова был напечатан Госиздатом Северо-Осетинской АССР; в 1949 г. он вышел в издательстве “Советский писатель”. Тогда же в переводе В. Дынник белыми стихами “Нартские сказания” были опубликованы в Москве в Гослитиздате.

В конце 1940-х годов сборники сказаний еще не раз издавались в прозе и стихах на осетинском, русском, грузинском и других языках. Однако в начале 1950-х годов исследовательская и публикационная активность издателей нартовского эпоса заметно снизилась. Одной из главных причин ослабления внимания к эпосу в тот период являлась, на наш взгляд, кардинальная послевоенная переоценка роли культур “малых народов”. Идеологическая ориентация в стране-победительнице на рубеже 1940–1950-х годов на роль русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза, внесшего основной вклад в победу в Великой Отечественной войне, отодвинула на второй план многие исследовательские проекты, связанные с популяризацией истории и культуры отдельных малочисленных народов.

Лишь с середины 1950-х годов в государственной культурной политике наблюдается очередной поворот в поддержку культур малых народов. В этот период “во всесоюзной фольклористике благодаря усилиям ученых-специалистов и культурной общественности, поддержанным и партийным руководством страны, и Президиумом АН СССР, развернулось и стало одним из главных направлений крупномасштабное и координированное изучение эпического наследия” (*Алиева* 2012: 6–7). В июне 1954 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание по вопросам изучения эпоса народов СССР, организованное Институтом мировой литературы и Институтом востоковедения АН СССР. На нем были определены основные исследовательские задачи в области изучения эпического наследия народов СССР. В соответствии с решениями научного форума в 1956 г. в столице Северной Осетии ИМЛИ совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом было проведено совещание по нартовскому эпосу. В качестве одной из важнейших задач оно определило сбор, обработку и издание материалов эпоса, в т.ч. в планируемой академической серии “Эпос народов СССР” (*Абаев и др.* 1957: 230)¹⁷.

В истории рассматриваемого нами вопроса важную роль сыграли решения Всесоюзного совещания по проблемам изучения и публикации эпоса народов СССР (Москва, ноябрь 1958 г.). На совещании были представлены тезисы “Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР”, подготовленные под эгидой научного совета по фольклору АН СССР под руководством академика И.А. Орбели для выработки единой инструкции. Тезисы были положены в основу разработанных и изданных после совещания методических указаний. В них были сформулированы правила записи, хранения, текстологиче-

ской подготовки к изданию эпических памятников и научного аппарата к ним (Алиева 2012: 8, 10).

В рамках методических указаний осуществлялась вся работа по собиранию, записи и публикации эпических текстов, в т.ч. Нартиады. В 1960–1980-е годы в ходе фольклорных экспедиций по сельским районам Северной и Южной Осетии шло накопление текстов народного творчества. Однако следует иметь в виду, что к середине XX в. институт сказителей практически исчез. Остались пересказчики отдельных эпизодов стилизованных, усеченных вариантов сказаний. Поэтому нартоведы наряду с экспедиционной деятельностью и разработкой общетеоретических вопросов скрупулезно занимались выявлением, обработкой и изданием ранее опубликованных, а также отложившихся в архивных фондах записей сказаний¹⁸.

Осетинские сказания издавались и на иностранных языках. В 1965 г. в Париже в издательстве Галлимар напечатали “Le Livre des Héros: legends sur les Nartes” (“Книга героев: легенды о нартах”) в переводе и с подробным предисловием Ж. Дюмезиля¹⁹. В основу французского издания был положен прозаический сводный текст 1946 г. Книга представляла собой не научное, а литературно-художественное издание. Тем не менее к каждому сказанию автор давал свои комментарии, объяснения непонятных слов и выражений, а также ссылки на ранее изданные варианты как на осетинском языке, так и на языках других народов Северного Кавказа. Это являлось несомненным достоинством издания. В книге было сохранено циклическое строение, включены основные циклы эпоса (“Уархаг и его сыновья”, “Урузмаг и Сатана”, “Сослан”, “Сырдон”, “Хамыц и Батрадз”) и отдельные сказания.

Традицию литературно-художественных изданий в 1980-е годы продолжила Ева Малиева-Франева, переведя на словацкий язык осетинские сказания о нартах. Сборник, составленный на основе осетинского и русского вариантов сводного текста эпоса 1946 и 1948 гг., был издан в Братиславе в издательстве “Младе лета” в 1983 г. Еще одна книга “Нарты — сыновья солнца” уже в немецком переводе вышла в свет в 1985 г. Составителем и автором перевода выступил Андрей Сикоев, представивший основных героев эпоса: Дзерассу, Сатану, Урузмага, Сослана, Батрадза и др.²⁰

Возвращаясь к отечественным изданиям осетинской Нартиады, отметим, что к 1970-м годам в фольклористике прочно утвердилось мнение о том, что эпос кавказских народов, подобно типологически во многом сходному с ним карело-финскому эпосу, не представляет собой сложившейся эпопеи (Алиева 2012: 14). Опровергнуть эту точку зрения взялся филолог и нартовед К.Ц. Гутиев. Вопреки общепринятому мнению, эпос представлялся ученому “монолитным и цельным, а не застывшим где-то на стадии циклизации мертвым явлением” (НА СОИГСИ: Л. 1). Многолетняя работа над текстами нартовских сказаний подвела ученого к идее реконструкции эпоса как литературного памятника. К.Ц. Гутиев утверждал, что надо “воссоздать эпос таким, каким он был на самом деле — величественным и стройным, богатейшим по содержанию памятником мировой культуры, может быть единственным, где с такой художественной силой и мощью разворачивается живая панорама веков” (Там же). В 1989 г. вышел первый том намеченного пяти-томного издания. Были подготовлены к публикации рукописи последующих томов. Но масштабный проект не был до конца реализован. Поставленная исследователем задача оказалась чрезвычайно сложной для исполнения. Кроме того, авторская трактовка Нартиады, неоднозначно воспринятая в научном сообществе, столкнулась с резким противодействием оппонентов.

В 1970–1980-е годы подавляющее большинство нартоведов Осетии работало в рамках утвержденного редакционно-издательским советом АН СССР проекта, предусматривавшего создание двуязычной академической серии “Эпос народов СССР”. Сотрудниками отдела литературы Северо-Осетинского НИИ в тесной свя-

зи с учеными Института мировой литературы АН СССР велась подготовка научно-го издания осетинского нарттовского эпоса. Итогом кропотливой работы коллектива ученых явилось академическое двуязычное издание осетинского героического эпоса в трех книгах, вышедшее в издательстве “Наука” под редакцией У.Б. Далгат. Книга первая содержала вводную статью и тексты сказаний на иронском и дигорском диалектах и югоосетинских говорах иронского диалекта, книга вторая — перевод эпоса на русский язык, книга третья — музыкальную расшифровку текстов, статью о сказителях, комментарий к книге второй и глоссарий²¹.

Распад СССР в 1991 г. и острый кризис во всех сферах общественной жизни страны существенно изменили парадигму развития национальных культур. Значительно ослабли традиционные связи между центральными и региональными научными учреждениями и научными школами. Одним из последствий системного кризиса в сфере гуманитарных наук стал наблюдавшийся спад исследовательской активности в области фольклористики и нарттоведения. Вместе с тем интерес к этнической культуре не был утерян. На рубеже XX–XXI вв. поиски этнической и культурной идентичности послужили новым импульсом развития традиционной культуры, изучения эпического наследия народа. Продолжилась работа по сбору, обработке и систематизации фольклорных произведений, в т.ч. нарттовских сказаний.

Приобретенный за полтора столетия опыт выявления и записи сказаний, накопленный объем фольклорного материала, многолетняя скрупулезная текстологическая работа с источниками сделали возможным реализовать масштабный проект научного издания осетинского нарттовского эпоса в семи томах²². Он был подготовлен и осуществлен ведущими фольклористами, нарттоведами, языковедами и литераторами Осетии. Работа велась на базе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. В академическое издание вошли материалы из рукописных фондов Научного архива института. Их дополняли научные публикации, выявленные в различных изданиях дореволюционного и советского времени на осетинском и русском языках, аутентичные записи и публикации собирателей и исследователей эпоса. Группа ученых во главе с Ш. Джикаевым и Т. Хамцаевой на основе современных методик выявила, подвергла обработке и классификации народные сказания. Были составлены комментарии и примечания, проведена паспортизация текстов. Основой издания являлся традиционный принцип циклизации: эпос начинался с рождения нарттов, структурно разделялся по мотивам, сюжетам и главным героям, а завершался их гибелью. Внутри циклов сказания и их варианты объединялись вокруг главной темы, формируя общую сюжетную линию повествования. На сегодняшний день этот труд является наиболее полным научным изданием выявленных текстов сказаний эпоса на двух языках. Он представляет большую ценность для нарттоведов и служит серьезным источником для научных изысканий в области древней истории и культуры осетин.

На рубеже XX–XXI вв. вновь наблюдается интерес к осетинской Нартиаде у западных исследователей. В конце 1980-х годов Уолтер Мэй²³ перевел на английский язык русский вариант сводного текста “Осетинских нартских сказаний” (1949). В 2005–2009 гг. отдельные сказания из этого перевода под общим названием “Selected Nartæ Tales” публиковались в нескольких выпусках журнала алаано-осетинских исследований “Nartamongæ”. В 2007 г. краткая версия английского перевода сказаний с терминологическими уточнениями и исправлениями, внесенными фольклористом Т. Салбиевым (что позволило избежать многих ошибок и смысловых искажений), была опубликована в Цхинвале (“Selected Nartæ Tales/Павзаргæ нартты кадджытæ. Compiled by Jiothi Zema”). В 2016 г. по инициативе и на базе Принстонского университета было осуществлено издание полной версии английского перевода сказаний У. Мэя (“Tales of the Narts. Ancient Myths and Legends of the Ossetians”).

Подготовкой текста к публикации: научным редактированием, уточнением перевода сказаний, литературно-художественной обработкой, написанием вводной статьи, составлением примечаний и комментариев — занимались уже упомянутый Тамерлан Салбиев и профессор канадского университета Макмастера, лингвист, мифолог, специалист по адыгской версии эпоса Джон Коларуссо. Англоязычная школа нартоведения в результате получила возможность непосредственно познакомиться с эпическим достоянием осетинского народа. Остается надежда на то, что, несмотря на политические коллизии, ученые, представляющие разные страны и культуры, благодаря таким контактам расширят свой научный кругозор и помогут взаимопониманию между народами.

В заключение, подводя некоторые итоги, отметим, что несомненные достижения более полуторавековой истории записи и публикации нартовских сказаний осетин являются результатом не только деятельности нескольких поколений российских и зарубежных ученых, но и пристального внимания со стороны государства, использовавшего устное народное творчество, в т.ч. эпос, при решении определенных социально-политических, культурных задач. В настоящее время объективно выделяются три основных периода в истории вопроса, различающиеся приоритетностью ставившихся целей, определявших интенсивность собирательской и публикационной деятельности. Первый период обозначен государственным интересом к вовлечению автохтонных народов Северного Кавказа в административно-хозяйственную, социально-политическую, культурную орбиту Российской империи. Обобщающим девизом этого периода может служить стремление к знаниям о новых землях державы для создания “прочного фундамента... прочного здания знакомства с горцами”. Второго периода связан с советской исторической практикой региона, которая характеризуется расширением интереса государства к эпическому наследию северокавказских народов, в т.ч. осетин, в контексте политических и идеологических задач формирования нового человека “социалистической формации” вне национальных рамок и традиций. В разные периоды советской истории интенсивность собирательской и научно-публикационной активности исследователей Нартиады определялась потребностью в использовании пропагандистского и воспитательного потенциала устного народного творчества. Наконец, третий период начинает свой отсчет в постсоветское время. Он отличается активной разработкой нартовской тематики исходя из задач поиска этнической и культурной идентичности народов, связанных историческими корнями с Нартиадой. Сегодня осетинская школа нартоведения на новом этапе развития руководствуется принципами, которые объединяют всех носителей нартовской культурной традиции в эпический “Круг нартов”: взаимопомощи, взаимопонимания, поддержки и сотрудничества. Эти принципы являются залогом укрепления мира и процветания народов Северного Кавказа силой знаний.

Примечания

¹ В 1777 г. Л.Л. Штедер в чине поручика Генерального штаба был назначен на Кавказскую линию и принимал участие в строительстве крепостей. С 1779 по 1792 г. неоднократно участвовал в различных экспедициях в составе русских войск на Кавказе. В 1781 г. был командирован в горные районы Центрального Кавказа с целью сбора географических и военно-топографических данных для изучения возможности строительства дороги через Главный Кавказский хребет. Его “Дневник путешествия...” содержит весьма ценную информацию о географическом, социально-экономическом положении, сословных отношениях в Осетии (Штедер 2016: 6–7).

² Ю. Клапрот, побывавший в начале XIX в. на Кавказе, оставил немало интересных свидетельств о хозяйственном укладе, социальном устройстве, быте и культуре горских народов в своих книгах “Reise in der Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808 Halle” (Berlin, 1812. Pt. 1; 1814. Pt. 2); “Voyage au mont Caucase et en Géorgie” (Paris, 1823).

³ *Schiefner A.* Textes ossèths // Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, 1863. Т. VI. P. 446–473; *Schiefner A.* Contes et légendes ossètes // Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, 1867. Т. XII. P. 179–212; *Шифнер А.* Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым. Приложение к XII-му тому Записок Академии наук. № 4. СПб., 1868.

⁴ Записи В.Б. Пфафа под названием “Путешествие по ущельям Северной Осетии” были опубликованы в 1-м выпуске “Сборника сведений о Кавказе” в 1871 г. (с. 163–175).

⁵ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Вып. V. С. 1–37; 1873. Вып. VII. С. 1–21; 1876. Вып. V. С. 1–64.

⁶ Репринтное издание трехчастных “Осетинских этюдов” В. Миллера осуществлено Северо-Осетинским институтом гуманитарных исследований (Владикавказ, 1992 [1881; 1887]. Вып. 1. С. 14–81; вып. 3. С. 170–174).

⁷ Сборник дигорских сказаний был опубликован в 1902 г. в XI выпуске “Трудов по востоковедению”, издаваемых Лазаревским институтом восточных языков в Москве.

⁸ Сборник “Дигорон кадæнгæ” (“Дигорское сказание”) был издан М.С. Тугановым на собственные средства в частной типографии Шувалова во Владикавказе.

⁹ *Kaŕtmaŕzov A.* Сказания о нартах. Составлено по рассказам туземных жителей // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Отд. 2. Тифлис, 1889. С. 3–36.

¹⁰ *Dirr Adolf.* Kaukasische Märchen. Jena: Eugen Diederich, 1922; *Dirr Adolf.* Caucasian Folk-Tales, Selected and Translated from the Originals by Lucy Menzies. N.Y.: E.P. Dutton & Co, 1925.

¹¹ *Dumézil G.* Légendes sur les Nartes, suivis de cinq notes mythologiques. Paris, Honoré Champion, 1930.

¹² Blüten der ossetischen Volksdichtung / Gesammelt, übersetzt und mit Anmerkungen erläutert von Dr. Bernhard Munkácsi. Budapest, 1932.

¹³ Помимо пяти предвоенных выпусков “Памятников народного творчества осетин” (1925, 1927–1929, 1941) в 1992, 1998, 2000 гг. были изданы еще три выпуска ПНТО. Они включали фольклорные материалы о трудовой обрядовой поэзии осетин, сказки о животных и загадки.

¹⁴ Хуссар Ирыстоны фольклор. Сталинир, 1936 (на осет. яз.).

¹⁵ Нарты. Осетинский народный эпос. Сталинир, 1942 (на осет. яз.); Сказания о нартах. Из эпоса осетинского народа / Пер. и вступ. статья В. Дынник. М., 1944.

¹⁶ Появление книги “Нарты кадджытæ” на прилавках книжных магазинов столиц Северо-Осетинской и Юго-Осетинской автономий — городов Дзауджикау и Сталинир — было воспринято с большим энтузиазмом. Друзья, знакомые и родственники с радостью делились этой новостью друг с другом, звонили в районы, сообщали из одного села в другое (*Бритыаты* 1946: 26). Наличие в личной библиотеке экземпляра “Осетинских нартских сказаний” на осетинском или русском языке каждый читающий осетин считал большой удачей, предметом особой гордости и безусловным “свидетельством” национальной идентичности. В 1970-е — начале 2000-х годов осетинский и русский варианты сводного текста осетинских сказаний издавались многократно.

¹⁷ Одним из итогов совещания явилось переиздание в серии “Литературные памятники” поэтического изложения “Нартов” (1942) в русском переводе Р. Ивнева под названием “Нарты. Эпос осетинского народа”. Книга была подготовлена к изданию В. Абаевым, Н. Джусойти и Б. Калоевым и опубликована в Издательстве АН СССР в 1957 г.

¹⁸ В 1961 г. вышло двухтомное собрание фольклорных текстов “Осетинское народное творчество”, подготовленное З.М. Салагаевой. В первый том вошло 102 сказания о нартах.

¹⁹ Французское издание осетинских сказаний состоялось благодаря заключенному между ЮНЕСКО и Советским правительством соглашению об издании выдающихся произведений художественной литературы и фольклора. В рамках этого проекта международный ученый совет по философским и гуманитарным наукам признал целесообразным выпустить в свет сводный текст осетинского нартского эпоса наряду с “Ирон фæндыр” Коста Хетагурова (*Гагкаев* 1965).

²⁰ В 2017 г. сказания о нартах на словацком языке в доработанном и дополненном виде были переизданы в Братиславе при содействии Регионального общественного фонда поддержки развития культуры “Мир Кавказа”. Презентации книги “Nartský epos / Prerodzavála Eva Maliti Fraňová. Vydavateľ'stvo, Bratislava 2017” прошли в 2018 г. в Москве и во Владикавказе. Книга А. Сикоева “Die Narten Söhne der Sonne. Mythen und Heldensagen der Skithen, Sarmaten und Osseten. Übersetzt und herausgegeben von André Sikojev” издана в Кельне.

²¹ Нарты: осетинский героический эпос в трех книгах / Сост. Т.А. Хамицаева и А.Х. Базыров, науч. консультант В.И. Абаев. М., 1989–1991.

²² Нарты кадджытæ: Ирон адамы эпос: В 7 т. / Сост. Т.А. Хамицаева и Ш.Ф. Джикаев. Владикавказ, 2003. Т. 1.; 2004. Т. 2.; 2005. Т. 3.; 2007. Т. 4.; 2010. Т. 5; 2011. Т. 6; 2012. Т. 7. После смерти Ш.Ф. Джикаева и Т.А. Хамицаевой в 2011 г. работу над последним томом издания довел до конца Р.Ф. Фидаров.

²³ Английский поэт и переводчик Уолтер Мэй (1912–2002). Свыше 30 лет прожил в России. Переводил произведения классиков русской литературы, а также других народов СССР. В частности, им переведены стихотворения основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова.

Источники и материалы

Абаев 1939 — Абаев В.И. Из осетинского эпоса: 10 нартовских сказаний. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

ГАНИ РСО–А — Государственный архив новейшей истории РСО — Алания. Ф. 1. Оп. 3. Д. 626.

Гагкаев 1965 — Гагкаев К. “Книга о героях”. Новое зарубежное издание осетинского эпоса // Социалистическая Осетия. 1965. 10 февраля.

НА СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 13. Оп. 1. Д. 171.

Предисловие 1868 — Предисловие (б.а.) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. С. I–VIII.

Подготовка 1941 — Подготовка издания осетинских нартовских сказаний (Беседа с председателем Правительственного Нартовского Комитета тов. К. Куловым // Социалистическая Осетия. 1941. 4 января. С. 2.

Штедер 2016 — Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году / Сост. Г.И. Цибиров. Владикавказ, 2016.

Научная литература

Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 1. Т. X. Дзауджикау, 1945.

Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1 / Отв. ред. У.Б. Далгат. М.: Наука, 1990. С. 7–77.

Абаев В.И., Калоев Г.З., Чичеров В.И. (ред.). Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1957.

Алиева А.И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии “Эпос народов Европы и Азии” // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 6–20.

Брыттыаты С. Ирон адамы цыкуырайы фæрдыг // Мах дуг. 1946. № 11–12. С. 26–30.

Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977.

Гостиева Л.К. Влияние В.Ф. Миллера на развитие дореволюционного этнографического осетиноведения // Известия СОИГСИ. 2008. № 2. С. 43–51.

Гостиева Л.К. Из истории записи и публикации осетинского нартовского эпоса в дореволюционный период // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Вып. 4. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. С. 5–17.

Дзагуров Г.А. А. Кайтмазов (Некролог) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. 1925. С. 524–528.

Калоев Б.А. История записи и публикации нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. / Ред. В.И. Абаев, Г.З. Калоев, В.И. Чичеров. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1957. С. 175–213.

Кобахидзе Е.И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016.

- Хамицаева Т.А. Некоторые итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // 80 лет служения отечественной науке / Отв. ред. А.Г. Кучиев. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2005. С. 48–75.
- Цориева И.Т. Нартовский эпос в исследованиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1940-е — 1980-е годы) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Вып. 2. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2013. С. 111–126.
- Шанаев Дж. Осетинские народные сказания. Несколько слов от собирателя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. Тифлис, 1871. Раздел II. С. 2.
- Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Шегрен А.М. Осетинские исследования // Сост. и пер. Т.Т. Камболова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. С. 40–68.

Research Article

Tsorieva, I.T. Ossetian Nartiada: On the History of Recording and Publication the Heroic Epic [Os-etinskaia Nartiada: k istorii zapisi i izdaniia geroicheskogo eposa]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 3, pp. 135–149. <https://doi.org/10.31857/S086954150005291-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Inga Tsorieva | <https://orcid.org/0000-0002-8977-973X> | tsorin@mail.ru | V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (10 Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia)

Keywords

Nart epic, Narts, Ossetian Nart legends, Ossetian version of the epic, recording and publication of Nartiada, academic editions of the Ossetian epic

Abstract

The article examines the history of recording and publications of the Ossetian version of the heroic Nart epic for more than one and a half centuries. It is noted that the achievements in this issue have been provided not only thanks to the contribution of several generations of domestic and foreign scholars, but also as a result of the state's close attention to the promotional and educational potential of folklore, particularly epics, in solving various social and cultural problems. The author distinguishes three periods in the history of the issue: pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet. She argues that the periods differed in the ways the priorities of goals were set, which largely determined the intensity of collecting and publishing activities.

References

- Abaev, V.I. 1945. Nartovskii epos [Nart Epos]. *Izvestiia Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Vol. 1 (X). Dzaudzhikau.
- Abaev, V.I. 1990. *Nartovskii epos osetin* [Nart Epos of Ossetians]. In *Narty. Osetinskii geroicheskii epos* [Narts. Ossetian Heroic Epos], edited by U.B. Dalgat, 1: 7–77. Moscow: Nauka.
- Abaev, V.I., G.Z. Kaloev, and V.I. Chicherov, eds. 1957. In *Nartskii epos. Materialy soveshchaniia 19–20 oktiabria 1956 g.* [Nart epos. Materials of the Conference, 1956, October 19–20]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Alieva, A.I. 2012. Izdanie natsional'nykh versii nart'skogo eposa v dvuiazychnoi akademicheskoi serii "Epos narodov Evropy i Azii" [Publication of the National Versions of the Nart Epos in the Bilingual Academic Series "The Epos of the Peoples of Europe and Asia"]. In *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii* [Nart Studies in the XXI Century: Modern Paradigms and Interpretations], 1: 6–20. Vladikavkaz: IPO SOIGSI.
- Brytiaty, S. 1946. Iron adæmy tsykuyrai y færdyg [The Magic Bead of the Ossetian People]. *Makh dug* 11–12: 26–30.
- Dzagurov, G.A. 1925. A. Kaitmazov (Nekrolog) [A. Kaitmazov (Obituary)]. *Izvestiia Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniia* 1: 524–528.

- Gagloiti, Yu.S. 1977. *Nekotorye voprosy istoriografii nartskogo eposa* [Some Issues of the Historiography of the Nart Epic]. Tskhinvali: Iryston.
- Gostieva, L.K. 2008. Vlianie V.F. Millera na razvitie dorevoliutsionnogo etnograficheskogo osetino-vedeniia [Influence of V.F. Miller on the Development of Pre-revolutionary Ethnographic Ossetian Studies]. *Izvestiia SOIGSI* 2: 43–51.
- Gostieva, L.K. 2017. Iz istorii zapisi i publikatsii osetinskogo nartovskogo eposa v dorevoliutsionnyi period [From the History of Recording and Publishing the Ossetian Nart Epic in the Pre-revolutionary Period]. In *Nartovedenie v XXI veke: Sovremennye paradigm i interpretatsii* [Nart Studies in the XXI Century: Modern Paradigms and Interpretations], 4: 5–17. Vladikavkaz: IPO SOIGSI.
- Kaloev, B.A. 1957. Istoriia zapisi i publikatsii nartskogo eposa [History of the Recording and Publication of the Nart Epos]. In *Nartskii epos. Materialy soveshchaniia 19–20 oktiabria 1956 goda* [Nart Epos. Materials of the Conference, 1956, October 19–20], edited by V.I. Abaev, G.Z. Kaloev and V.I. Chicherov, 175–213. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Khamitsaeva, T.A. 2005. Nekotorye itogi i problemy razvitiia osetinskoi fol'kloristiki [Some Results and Problems of the Development of Ossetian Folklore]. In *80 let sluzheniia otechestvennoi nauke* [Eighty Years in the Service of Science], edited by A.G. Kutchiev, 48–75. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriiatie imeni V.A. Gassieva.
- Kobakhidze, E.I. 2016. *Tsentrāl'nyi Kavkaz v ob'edinitel'noi politike Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Central Caucasus in the Unification Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries]. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN.
- Shanaev, Dzh. 1871. *Osetinskie narodnye skazaniia. Neskol'ko slov ot sobiratel'ia* [Ossetian Folk Tales: A Few Words from the Author]. In *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Mountaineers], 5 (II): 2. Tiflis.
- Shegren, A.M. 1998. *Religioznye obriady osetin, ingushei i ikh soplemennikov pri raznykh sluchaiakh* [Religious Rites of the Ossetians, Ingush and their Fellow Tribesmen in Various Cases]. In *Osetinskie issledovaniia* [Ossetian Studies], edited by T.T. Kambolova, 40–68. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU.
- Tsorieva, I.T. 2013. Nartovskii epos v issledovaniiaakh Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (1940-e — 1980-e gody) [Nart Epic in the Studies of the North Ossetian Scientific Research Institute (1940–1980s)]. In *Nartovedenie v XXI veke: Sovremennye paradigm i interpretatsii* [Nart Studies in the XXI Century: Modern Paradigms and Interpretations], 2: 111–126. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN.